18+

9 ПАЛАТА

ДАВИД ВАСИЛЕВИЧ

Давид Василевич

9 палата

«Издательские решения»

Василевич Д.

9 палата / Д. Василевич — «Издательские решения»,

Много лет назад в девятой палате небольшой городской больницы произошла трагедия. Теперь это лишь старая история, о которой сотрудники предпочитают говорить вполголоса. Молодой медбрат Никита Колесников относится к таким рассказам скептически — пока ночные дежурства не заставляют его искать объяснение событиям, которые всё труднее списывать на усталость и совпадения.

© Василевич Д.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Глава 1. Всё пропало 10
Глава 2. Медицинский колледж 17
Глава 3. Первое дежурство 25
Конец ознакомительного фрагмента. 29

9 палата

Давид Василевич

© Давид Василевич, 2026

ISBN 978-5-0071-6066-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
9 ПАЛАТА
Жанр: мистический хоррор / психологический триллер
Давид Василевич

Пролог

Ночь.

Больничный коридор почти пустовал. За окнами шёл мелкий дождь, и свет уличных фонарей расплывался на мокром асфальте.

В отделении пахло лекарствами, хлоркой и чем-то ещё — привычным для больницы запахом, который въедался в стены и одежду. Где-то в глубине коридора тихо гудела кварцевая лампа старого образца.

На посту дежурила медсестра. Она листала журнал, иногда поглядывая на часы.

02:17.

Из девятой палаты внезапно раздался тревожный сигнал кардиомонитора.

Пи-пи-пи-пи-пи!

Почти сразу вслед за ним раздался женский крик:

— Помогите! Пожалуйста, помогите!

Медсестра вскочила со стула.

— Девятая!

Она бросилась по коридору.

Из дежурной комнаты навстречу ей уже вышел врач. Через несколько секунд они вместе ворвались в палату.

Мать ребёнка стояла возле кроватки.

— Он! Он только что…

Она не смогла договорить.

Врач уже был рядом с ребёнком.

Мальчику был всего год.

Кардиомонитор продолжал тревожно сигналить.

Пи-пи-пи-пи-пи!

— Отойдите, пожалуйста.

— Что с ним?

— Нам нужно место.

— Что с моим сыном?!

Медсестра подошла к женщине.

— Пожалуйста, отойдите.

— Нет, я останусь.

— Нам нужно работать.

— Я здесь останусь!

Врач быстро отдавал короткие команды.

— Кислород.

— Есть.

— Быстрее.

Мать стояла всего в нескольких шагах от кроватки, не сводя глаз с сына.

— Он дышит?

Никто не ответил.

— Он дышит?!

Медсестра взяла женщину за руку.

— Давайте выйдем на минуту.

— Нет.

— Пожалуйста.

Женщина не хотела уходить.

Она ещё несколько секунд смотрела на ребёнка, а потом всё-таки позволила вывести себя в коридор.

Дверь палаты закрылась.

— Он поправится? — спросила она.

Медсестра посмотрела на дверь.

— Врачи делают всё возможное.

— Он поправится?

Медсестра ничего не ответила.

За дверью продолжали звучать короткие команды.

И тревожный сигнал.

Пи-пи-пи-пи…

Женщина стояла у стены и не отрывала взгляда от двери.

Прошла минута.

Потом ещё одна.

Время будто застыло.

И вдруг за дверью стало тихо.

Сначала исчезли голоса.

Потом прекратились шаги.

А затем замолчал кардиомонитор.

Женщина подняла голову.

Дверь открылась.

Вышел врач.

За ним — медсестра.

Женщина посмотрела на их лица и всё поняла.

— Нет…

Врач опустил взгляд.

— Мне очень жаль.

— Нет.

Она покачала головой.

— Нет, пожалуйста…

Мать снова попыталась войти в палату.

— Я к нему.

— Подождите.

— Это мой сын!

Врач ничего не сказал.

Из палаты вывезли каталку.

На ней лежал ребёнок.

Мать подошла к нему и взяла за руку.

— Я здесь…

Каталка двинулась по коридору.

Мать пошла рядом.

Медсестра следовала за ними.

Колёса глухо постукивали по старому линолеуму.

Тук. Тук. Тук.

У лифта врач нажал кнопку.

Двери открылись.

Каталку закатили внутрь.

Мать не отпускала руку сына.

— Я с ним.

Двери начали закрываться.
Она успела сделать последний шаг внутрь.
Медсестра осталась в коридоре.
Несколько секунд она смотрела на закрывающиеся двери.
Потом лифт ушёл вниз.
Медсестра вернулась на пост.
На часах было **02:43**.
Она села, открыла журнал и продолжила записи.
В отделении снова стало тихо.
Только где-то в глубине коридора продолжала гудеть кварцевая лампа.
Медсестра поставила подпись под записью.
Перевернула страницу.
И тогда ей послышалось:
Пи…
Она подняла голову.
Прислушалась.
Тишина.
Медсестра снова посмотрела на журнал.
Через несколько секунд звук повторился.
Пи…
Она медленно встала.
Посмотрела в сторону девятой палаты.
Коридор был пуст.
Медсестра вышла из-за поста.
С каждым шагом ей всё сильнее казалось, что звук доносится именно оттуда.
Пи…
Она остановилась возле двери.
Открыла её.
В палате никого не было.
Кровать пустовала.
Кардиомонитор был выключен.
Медсестра посмотрела на аппарат.
Потом на кроватку.
Тишина.
Она ещё несколько секунд стояла в дверях.
Затем собиралась уже выйти, но её взгляд остановился на краю кроватки.
Там лежала погремушка.
Самая обычная для тех лет — пластиковая, с круглой ручкой и прозрачной частью посередине. Внутри находились несколько разноцветных шариков, которые перекатывались при движении. На жёлтом пластике уже появились мелкие потёртости.
Медсестра задержала взгляд на игрушке.
Ещё совсем недавно рядом с ней был ребёнок.
Теперь палата была пустой.
Она отвернулась.
Вышла в коридор.
Дверь тихо закрылась.
Медсестра вернулась к посту.
Она ещё несколько секунд стояла возле стола, прислушиваясь.
Ничего.

Ни звука.
Только тихое жужжание кварцевой лампы.
Она снова села и опустила взгляд на журнал.
* * *
22 года спустя.

Глава 1. Всё пропало

Было жаркое июньское лето.

День клонился к вечеру, но жара всё никак не хотела спадать. Асфальт за школой всё ещё отдавал накопленным за день теплом, а металлические перила, на которых сидел Никита Колесников, были тёплыми даже сквозь одежду.

Торжественная часть выпускного закончилась совсем недавно.

Одиннадцать классов позади.

Никита сидел на перилах, лениво потягивая холодное пиво, и смотрел на школьный двор, который сегодня почему-то казался ему совсем другим.

Рядом устроился его лучший друг и одноклассник Дима Протасов.

Никита сделал ещё один глоток и тяжело вздохнул.

— М-да… Вот зачем я вообще остался до одиннадцатого класса? Нужно было после девятого уходить в колледж.

Дима усмехнулся.

— Да ладно тебе, Никитос. Можно попробовать поступить в институт.

— Да какой институт, Димка? Я все экзамены на минималку сдал.

— Ну и что? А на платку?

Никита пожал плечами.

— Да хрен с ним. Разберёмся.

Он допил остаток пива залпом и поставил бутылку рядом с собой.

Ребят ещё ждал праздник в честь окончания школы. Все разговоры о поступлении и будущем очень быстро отошли на второй план, уступив место музыке, смеху и желанию наконец-то оторваться после одиннадцати лет учёбы.

Сегодня можно было не думать о том, что будет завтра.

По крайней мере, Никита именно так и собирался провести этот вечер.

На следующее утро Никита проснулся от настойчивого звонка телефона.

Он несколько секунд лежал с закрытыми глазами, пытаясь понять, где находится. В голове гудело, во рту пересохло, а тело требовало только одного — ещё хотя бы пару часов сна.

Никита нащупал телефон и, даже не посмотрев на экран, поднёс его к уху.

— Алло… — хрипло ответил он, зевая.

— Ты не забылся, молодой человек? — раздался в трубке голос матери.

Никита открыл глаза.

На стенах были уже знакомые ему обои, а рядом, укрывшись одеялом, спала рыжеволосая девушка.

Алина.

Только сейчас он окончательно вспомнил, где находится.

— М-м… Мам, что случилось?

— Что? — голос матери сразу стал громче. — Выпускной закончился ещё в двенадцать. Рассвет вы встречали в четыре утра, я так понимаю. Где ты там гостишь до полвторого дня?

Никита посмотрел на часы.

13:30.

— Блин…

— Вот именно. Блин. Домой когда?

— Ладно, ма. Один раз в жизни такое. Скоро буду.

— Ага, давай. Шутки закончились. У тебя ещё и с твоим проходным баллом разговор будет отдельный. Так что как домой — сразу ко мне. Разговор ждёт.

— Понял.

— Вот и хорошо.

Мать отключилась.

Никита несколько секунд смотрел на телефон.

— Ну всё… приехали.

Он медленно сел на кровати и оглядел себя.

Белая рубашка, которая вчера вечером выглядела вполне прилично, теперь была испачкана вином, салатом и ещё чем-то, что он предпочёл не выяснять.

Брюки тоже выглядели так, будто пережили не выпускной, а небольшую войну.

Никита поднялся и попытался привести себя в порядок.

Вчерашняя ночь постепенно всплывала в памяти отдельными кусками.

Музыка.

Шум.

Дима, который уверял всех, что совершенно трезв.

Какая-то драка, которую, кажется, никто толком не понял.

Смех.

А потом…

Никита посмотрел на спящую Алину и усмехнулся.

— Весёлая была ночь.

Он начал одеваться.

Алина пошевелилась и открыла глаза.

— Ты куда?

— Домой.

— Уже?

— Уже половина второго.

Алина посмотрела на часы и сонно улыбнулась.

— А-а…

Никита натянул рубашку.

— Мама звонила.

— И что сказала?

— Что меня дома ждёт разговор.

— Сильно ругаться будет?

— Смотря насколько сильно я ей сегодня понравлюсь.

Алина тихо рассмеялась.

— Вечером погуляем?

Никита обернулся.

— Ага. Погуляем.

— Точно?

— Если переживу семейный совет.

Алина снова улыбнулась.

Никита взял телефон, сунул его в карман и вышел.

Дверь за ним тихо закрылась.

По дороге домой он уже начинал жалеть, что вообще взял трубку.

Он прекрасно понимал, о чём будет разговор.

Учёба.

Поступление.

Его дальнейшая жизнь.

Взрослые почему-то особенно любили обсуждать будущее именно тогда, когда тебе самому хотелось о нём не думать.

Никита не был глупым парнем. Наоборот — он был способным. Просто очень ленивым.

Если ему действительно что-то было интересно, он мог разобраться довольно быстро. Но заставить себя заниматься тем, что ему не хотелось, было для него почти невозможно.

В школе он больше любил флиртовать с одноклассницами, чем слушать учителей, забывать записывать домашнее задание, уходить с последних уроков, а потом списывать у отличников.

Директор школы и учитель математики прекрасно видели, что происходит.

Не раз ему говорили:

— Мы же видели, как ты можешь решать сложные примеры. Когда тебе интересно, любой предмет тебе даётся. Ну что же ты везде хочешь малой кровью отделаться?

Никита обычно только усмехался.

А когда его ловили на списывании или очередной подделанной работе, следовало уже другое:

— Эх, Никита, Никита… Враньём весь свет пройдёшь, назад не вернёшься.

Вот эти присказки он особенно не любил.

«Малой кровью, назад не вернёшься… Тьфу ты. Вечно эти взрослые со своими выражениями. Как будто без них человек сам не может понять, что ему делать».

Он не любил, когда люди говорили заученными фразами, будто заранее знали, чем закончится чужая жизнь.

Но несмотря на все разговоры, Никита всё-таки остался до одиннадцатого класса.

После девятого он должен был поступать в колледж, но всё лето прогулял и в итоге пропустил приём документов.

Сначала Никита даже не переживал.

Он решил, что год дома — не такая уж плохая идея. Можно было якобы поработать у отца на стройке, немного заработать, а там уже разобраться, что делать дальше.

Правда, мать эту затею быстро пресекла.

Она не позволила ему просто просидеть год без дела и настояла, чтобы он продолжил учиться.

Так Никита и дотянул до одиннадцатого класса.

А теперь снова оказался перед тем же вопросом.

Что делать дальше?

Он свернул во двор.

Жара за день никуда не делась. Воздух стоял тяжёлый, неподвижный, и Никита уже мечтал скорее добраться до дома, принять душ и завалиться спать.

Но, поднявшись на этаж, он почувствовал другой, куда более приятный запах.

Из открытого окна тянуло жареной картошкой, свежим укропом и чем-то мясным.

Живот предательски заурчал.

— Вот же…

После вчерашнего застолья Никита практически ничего не ел, и теперь аромат домашней еды казался ему едва ли не лучшим на свете.

Он невольно улыбнулся.

Вот за это он мать и любил.

Ругаться она могла сколько угодно.

Лекцию про учёбу могла читать часами.

Но если сын приходил домой голодный — сначала обязательно накормит.

Никита поднялся по лестнице и достал ключи.

Перед тем как открыть дверь, он тяжело вздохнул.

— Ну что, Колесников… — пробормотал он себе под нос. — Пошёл на казнь.

Он повернул ключ в замке.

Из кухни донёсся голос матери:

— Пришёл?

Никита прошёл на кухню.

На плите ещё стояла сковорода с картошкой. От неё поднимался лёгкий пар, а запах свежего укропа заполнял всю кухню.

Мать стояла у стола и, скрестив руки на груди, смотрела на сына.

— Так, шутки шутками, — начала она, — а с твоим раздолбайским характером учебу в институте мы тебе с отцом оплачивать не будем. Тебя после первого курса отчислят, и всё. Я ещё твоему отцу говорила: пусть летом у тебя на стройке пашет, а не шатается где попало.

— Ма, не начинай…

— Что «не начинай», а? — мать поставила тарелку на стол. — Я это «не начинай» ещё после девятого класса слышала. В итоге остался до одиннадцатого. И что толку?

Она покачала головой.

— Ой, горе ты моё. Говорила я тебе — иди в медколледж.

Никита закатил глаза.

— О-о-о, да хватит уже с этим медколледжем. Сколько можно-то?

— А что тебе не нравится?

— Да всё.

— А конкретно?

— Ну какой из меня медик?

Мать посмотрела на него поверх очков.

— А почему нет?

— Потому что я крови боюсь.

— Не смешно.

— А я и не шучу.

Она поставила перед ним тарелку.

— Сначала поешь.

Никита сел.

Несколько секунд он молча смотрел на картошку, а потом всё-таки взял вилку.

— Вот. Другое дело, — сказала мать уже спокойнее. — С голодным человеком вообще разговаривать невозможно.

Никита усмехнулся.

— Ты меня сначала накорми, потом отругаешь. Всё как всегда.

— А что мне ещё делать?

Она села напротив.

— Я тебе плохого не желаю, Никит. Ты сам знаешь.

— Знаю.

— Ты способный. Вот только лень тебе всё портит. Сегодня тебе кажется, что жизнь одна и можно гулять сколько угодно. А потом проснёшься — тебе уже двадцать пять, а ты не знаешь, куда идти и за что браться.

Никита ковырнул картошку вилкой.

— Ну не знаю я пока.

— Так я тебе и говорю — подумай.

— Я думаю.

— О чём?

Никита пожал плечами.

— Пока о картошке.

Мать не выдержала и усмехнулась.

— Дурак.

— Зато накормленный.

Несколько секунд они молчали.

Потом мать снова стала серьёзной.

— Я ведь сама когда-то хотела в медицину.

Никита поднял взгляд.

— Да знаю я.

— Не знаешь ты ничего.

— Знаю. Ты мне с шестого класса это рассказываешь.

— Потому что тебе бы это подошло.

— Почему именно мне?

Мать ненадолго задумалась.

— Не знаю. Просто кажется.

Она вздохнула.

— Может, потому что ты умеешь быстро соображать. Может, потому что тебе иногда нравится разбираться в том, чего другие боятся. А может, я просто хочу, чтобы ты получил нормальную профессию.

Никита отложил вилку.

— Да какая разница? Это же мне потом работать.

— Конечно тебе. Поэтому я и говорю — решай сам. Но решай хоть что-нибудь.

Никита ничего не ответил.

Он снова взял вилку и продолжил есть.

Мать посмотрела на него и уже тише добавила:

— Только не прожигай время, Никит. Оно обратно не возвращается.

Никита усмехнулся.

«Опять началось…»

Он не стал спорить.

Потому что в одном мать была права — лето действительно проходило слишком быстро.

После разговора с матерью Никита ещё почти месяц жил так, будто торопиться было совершенно некуда. Днём иногда подрабатывал, остальное время проводил с друзьями, гулял допоздна, встречался с девчонками, катался с Димой на его новой машине.

Он даже несколько раз пытался серьёзно подумать о поступлении.

Но каждый раз находился повод отложить это на потом.

То друзья звали гулять.

То появлялась очередная подработка.

То просто хотелось выспаться после очередной ночи.

А потом наступил август.

И вместе с ним неожиданно пришло понимание: лето заканчивается.

В один из вечеров Никита сидел на кухне, когда домой наконец пришёл отец.

Он, как обычно, вернулся поздно.

От него тянуло привычным запахом стройки — пылью, цементом, потом и нагретой за день одеждой. Даже после душа этот запах, казалось, всё равно оставался рядом с ним.

Отец Никиты тяжело работал на стройке. У него была своя небольшая строительная бригада — не такой уж большой бизнес, но достаточно, чтобы постоянно держать всё под контролем. Он не только руководил рабочими, но и сам много работал руками.

Поэтому дома его видели нечасто.

Сегодня он задержался на кухне дольше обычного.

Мать сидела напротив Никиты.

По всему было видно — разговора она ждала именно от него.

Отец посмотрел на сына.

— Никита, уже на носу первое сентября. Поступление, насколько я слышал, везде уже закрывается или вот-вот закроется. Это не дело. Надо срочно что-то решать.

Никита пожал плечами.

— Ну пап… Может, я пойду с тобой на стройку?

— Какую ещё, на хрен, стройку? — сразу вмешалась мать.

Она повернулась к отцу.

— Вот так вот. Ты его ещё на стройку возьми. Ты и так дома ни семьи не видишь, ни сына толком. У тебя выбора не было — тебе работать надо было. А у него хоть какой-то выбор есть.

— Мам…

— Нет, я всё сказала. Иди в медколледж и точка.

— Да какой из меня медик?

— А что с тобой не так?

— Да кровь я видеть не могу.

— Так хватит уже! — отец ударил ладонью по столу.

На кухне стало тихо.

Отец посмотрел сначала на мать, потом на Никиту.

— Медик не медик — сам решай. Институт ты, судя по всему, уже проспал, так что ищи шарагу или колледж. Мне всё равно куда, но чтобы осенью ты уже учился.

Никита молчал.

Отец устало потёр лицо.

— А насчёт стройки даже не думай. Ты уже одним летом показал мне, какая у тебя там безалаберность. Второго раза я не хочу.

— Да я могу нормально работать.

— Можешь. Когда хочешь.

Никита промолчал.

Отец вздохнул.

— Сынок, получи хотя бы какую-нибудь специальность. А там посмотрим.

Никита посмотрел на мать.

Та уже не спорила.

— Ладно, — нехотя сказал он. — Посмотрю.

— Вот и посмотри, — ответил отец.

На этом разговор закончился.

Но для Никиты он означал одно: времени действительно оставалось мало.

И теперь уже не получалось просто сказать себе: *«Разберёмся потом»*.

Это самое «потом» наступило.

После разговора с отцом Никита наконец начал искать, куда можно подать документы.

Правда, времени у него почти не осталось.

В большинстве учебных заведений приём уже подходил к концу, а где-то документы вообще перестали принимать.

Несколько дней он метался между разными вариантами.

Больше всего ему хотелось пойти в пожарное дело. В этой работе ему хотя бы виделось что-то настоящее: форма, техника, выезды, постоянное движение. Не сидеть целыми днями за партой и не слушать бесконечные лекции.

Но когда Никита наконец решил подать документы, оказалось, что набор уже закрыли.

Приём закончился десятого августа.

— Вот же…

Других подходящих вариантов оставалось немного.

И тут он совершенно случайно узнал, что медицинский колледж в соседнем городе принимает документы до пятнадцатого августа.

Никита долго смотрел на информацию о сроках приёма.

— Ну конечно…

Именно туда его мать отправляла уже несколько лет.

Он всё ещё не был уверен, что хочет связывать с медициной свою жизнь. Но времени на долгие размышления не оставалось.

Никита подал документы.

Потом были вступительные экзамены.

Он сдал их и сам до конца не понял, то ли ему просто повезло, то ли мать всё-таки была права насчёт его способностей.

Оставалось ждать сентября.

Лето закончилось почти незаметно.

* * *

Первого сентября Никита стоял в белом халате среди таких же новоиспечённых студентов медицинского колледжа.

Большой актовый зал был заполнен людьми.

На сцене выступал директор колледжа.

Никита слушал вполуха, периодически оглядывая зал.

Он быстро заметил одну вещь, которая ему понравилась гораздо больше всех разговоров о будущей профессии.

Девушек здесь было заметно больше, чем парней.

Ну хоть что-то хорошее.

Никита едва заметно усмехнулся.

Потом директор попросил всех встать.

В зале стало тише.

Студенты подняли руки и начали повторять за ним слова клятвы Гиппократа.

Никита произносил их вместе со всеми, пока ещё не понимая, насколько серьёзным окажется этот выбор.

Он думал, что просто получил профессию, которую выбрали за него обстоятельства.

Что это всего лишь колледж.

Три года.

А дальше он разберётся.

Глава 2. Медицинский колледж

Первые месяцы учёбы давались Никите непросто.

Впрочем, наверное, не ему одному. После школы всё вокруг будто на какое-то время потеряло привычные очертания. Другие кабинеты, другие преподаватели, новые предметы, незнакомые лица — и уже не было той школьной привычки, когда заранее знаешь, кто войдёт в класс, что спросит и над какой шуткой засмеётся весь кабинет.

Теперь всё было иначе.

В его группе было ровно тридцать человек.

И только трое из них — парни.

Сам Никита, Антон Семёнов и Коля Макушин.

С Антоном они довольно быстро оказались за одной партой. История у того была, мягко говоря, необычная. Когда-то он учился в медицинском институте и каким-то образом добрался аж до четвёртого курса. Но закончить его так и не смог — отчислили.

После института тот, похоже, успел найти себе занятия куда интереснее учёбы.

Теперь снова оказался в медицине, только уже в колледже.

Выглядел он так, будто возвращение за парту его совершенно не тяготило. Спокойно сидел на парах, мог посмеяться над очередным замечанием преподавателя, а иногда вообще выглядел так, словно пришёл сюда не получать профессию, а просто переждать очередной период своей жизни.

По дороге от электрички до колледжа Никита нередко замечал одну и ту же картину.

Антон где-нибудь останавливался, доставал маленькую бутылку и ещё до первой пары успевал залить чекушку.

В первый раз парень даже подумал, что ему показалось.

Потом перестал удивляться.

— Антош, тебе не рано? — как-то спросил он, глядя, как тот прячет бутылку.

Тот посмотрел на него совершенно спокойно.

— А когда не рано?

Никита только усмехнулся и пошёл дальше.

Второй парень в группе был полной противоположностью первому.

Коля Макушин.

Вот с ним общий язык не нашёл практически сразу.

Коля был прыщавым задротом с лицом, которое Никите иногда напоминало подсохшую цедру мандарина. И дело даже не столько было во внешности. Больше раздражало его выражение лица — какое-то самодовольное, будто он постоянно находился на шаг впереди всех остальных.

Коля очень любил показывать, что он умный.

Особенно перед преподавателями.

Если учитель начинал объяснять тему, тот обязательно вставлял своё слово. Если задавали вопрос — его рука взлетала вверх раньше, чем остальные успевали подумать. А иногда он умудрялся даже договаривать за преподавателем последние слова его собственных предложений.

— Таким образом, заболевание возникает вследствие…

— …нарушения обменных процессов, — тут же подхватывал Коля.

Никита медленно поворачивал голову в его сторону.

— Господи…

Коля, кажется, даже не замечал, что кого-то раздражает.

Он был совершенно искренне уверен в собственной полезности.

Поэтому с мужским общением в группе было откровенно скучновато.

Ему не хватало Димы.

Не хватало их привычных разговоров, общих шуток, возможности после очередной скучной пары переглянуться и без слов понять друг друга. Здесь же приходилось довольствоваться Антоном, который чаще был занят своими делами, и Колей, которого он предпочитал лишний раз не слушать.

Зато с девушками всё получилось куда проще.

В группе их было большинство, да и в параллельных группах девушек хватало.

Никита довольно быстро со всеми перезнакомился.

В разговоре он был лёгким и непринуждённым. Не старался специально понравиться, не придумывал себе образ и не пытался казаться тем, кем не был. Просто разговаривал, шутил, мог поддержать практически любую тему.

Да и внешность, чего уж там, тоже играла ему на руку.

Сто восемьдесят пять сантиметров роста, шатен, зелёные глаза, спортивное телосложение.

В колледже он довольно быстро стал заметным парнем.

Причём не только среди девушек.

Постепенно привыкли к нему и преподаватели.

Сначала он действительно старался учиться. Писал конспекты, учил материал, пытался не запускать предметы.

Но чем больше проходило времени, тем сильнее возвращалась его привычная беспечность.

Он понял главное: чтобы нормально учиться, необязательно становиться отличником.

Нужно просто знать, с кем дружить, с кем поговорить и где вовремя приложить усилия.

А ещё очень вовремя в его жизни появился футбол.

Никита стал капитаном футбольной команды колледжа.

Участвовал практически во всех спортивных соревнованиях, представляя учебное заведение и отстаивая его честь.

На поле он чувствовал себя гораздо увереннее, чем за учебником.

Там не нужно было долго думать, как правильно сформулировать ответ.

Там нужно было видеть ситуацию, быстро принимать решение и действовать.

Именно здесь Никита постепенно понял ещё одну вещь о себе.

Теорию мог знать далеко не идеально.

Зато с практикой у него всё складывалось удивительно легко.

Преподаватели это тоже заметили.

Да и симпатичные отличницы, с которыми успел подружиться, иногда значительно упрощали ему жизнь.

Где-то подскажут.

Где-то дадут конспект.

Где-то помогут разобраться с тем, что он благополучно пропустил.

В итоге предметы закрывались один за другим.

Не всегда благодаря знаниям.

Но главное — закрывались.

Так постепенно первый непривычный период закончился.

Никита перестал чувствовать себя новеньким.

Колледж стал привычным местом.

Привычными стали преподаватели, коридоры, одногруппники, дорога от электрички и бесконечные разговоры между парами.

Он уже знал, где можно спокойно пересидеть окно, где собирается футбольная команда и у кого из преподавателей лучше не испытывать судьбу.

А впереди был второй курс.

И именно тогда Никита впервые должен был понять, что медицинская практика может оказаться куда интереснее всех лекций, которые он до этого терпел.

Теория оставалась для Никиты той частью медицины, которую приходилось терпеть.

А вот всё, что требовало сделать руками, разобраться на месте и быстро сообразить, давалось ему куда легче.

Поэтому, когда студентов отправили на практику в больницы, Никита отнёсся к этому без особого энтузиазма, но и без привычного страха перед очередным учебным испытанием.

Единственное, чего ему совсем не хотелось, — ехать куда-то в другой город.

Несколько недель тратить время на дорогу, вставать ещё раньше обычного и возвращаться домой только к вечеру казалось совершенно бессмысленным.

Поэтому Никита решил немного схитрить.

Сходил у себя в городе в центральную районную больницу, получил направление и уже почти считал вопрос решённым.

Оставалось только попробовать договориться ещё кое о чём.

А вдруг получится вообще не ходить, а просто получить необходимые оценки?

Мысль была соблазнительной.

Вот только главная медсестра больницы почему-то её не оценила.

— Эх, ишь чего удумал! — быстро пресекла она его затею. — Чтобы завтра как штык стоял в хирургическом отделении на втором этаже, возле кабинета старшей медсестры, в восемь утра, и ждал указаний.

Никита понял, что спорить бесполезно.

— Понял, понял, — виновато ответил он.

На следующий день пришлось действительно прийти.

Утром Никита отправился в больницу.

Ещё у входа его остановил охранник.

— Куда ты? Тут не проходной двор, малец, — с повышенным тоном окликнул его охранник.

Никита остановился и обернулся.

Перед ним стоял толстый мужик лет пятидесяти с пунцовым, отёкшим лицом. От него сразу ударило запахом перегара.

— На практику, — ответил Никита, стараясь не показать раздражения.

— Какую ещё практику? Где направление? А?

— Направление?

— Да. Со слухом плохо, что ли? Вроде молодой…

Никита сжал зубы.

Он уже открыл рот, чтобы сказать охраннику всё, что думает о таком приёме, но в этот момент мимо проходила главная медсестра больницы — Тамара Степановна.

— Андрей, пропусти его. Это наш практикант на две недели.

Охранник сразу сменил тон.

— Ой, Тамара Степановна. Сейчас, сейчас. Я же не знал.

— А ты в следующий раз направление сначала проверяй, понял?

— Понял.

Никита коротко кивнул Тамаре Степановне и прошёл дальше.

Больница была старая и, конечно, требовала ремонта, как и большинство больниц России в маленьких городах. Город, в котором жил Никита, насчитывал всего около 45 тысяч человек.

Сама больница была трёхэтажной, Т-образной формы.

На первом этаже она была разделена постом охранника. В прямой части находились приёмный покой и администрация. В одном крыле было небольшое отделение неврологии, с переходом в лабораторию, где работали с биологическими жидкостями — проще говоря, с мочой и кровью. Другое крыло занимали КТ, УЗИ, рентген и аптека, куда привозили препараты и растворы, а далее их отправляли по отделениям.

На втором этаже находилась хирургия — самое большое отделение, длиной более ста метров. Рядом с ней были небольшие урология и травматология.

Третий этаж занимали кардиология, терапия и отделение реанимации, которое находилось над хирургией, вместе с кардиологией.

И был один старый лифт, которым чаще пользовались для тяжёлых пациентов. Он брал начало от входа в приёмный покой, на втором этаже выходил в центр отделения хирургии, а на третьем — прямо перед входом в реанимацию.

Через несколько минут Никита уже поднялся на второй этаж.

Хирургическое отделение действительно оказалось огромным. Коридор уходил далеко вперёд, и Никита невольно задержал взгляд, пытаясь разглядеть его конец.

Найдя кабинет старшей медсестры, он постучал и вошёл.

За столом находилась Наталья Константиновна.

Высокая, статная женщина лет сорока восьми, с серыми глазами и тёмным каре. Взгляд у неё был спокойным и внимательным, но таким, что сразу становилось понятно: отлынивать здесь не получится.

Она посмотрела на Никиту.

— Так. В прошлом году у вас, я так понимаю, была санитарная практика в колледже? Где вы просто убирались в отделениях?

— Да.

— Значит, сейчас две недели тебе нужно будет учиться делать манипуляции посложнее. Не боишься?

— Нет!

Ответ вылетел у Никиты слишком быстро.

Наталья Константиновна едва заметно улыбнулась.

— Хорошо. Тогда ступай в процедурный кабинет к Ольге, в чистом отделении. Это в самом конце. Скажи, что я тебя прислала, и делай всё, что она тебе скажет.

— Понял.

Никита уже развернулся к двери, но старшая медсестра добавила:

— И ещё. Практика у вас до трёх часов, но я буду тебя отпускать в час. Нечего тебе тут после обеда делать.

На лице Никиты тут же появилась широкая улыбка.

— Ух ты, спасибо большое!

— Иди уже, — махнула рукой Наталья Константиновна.

Никита вышел из кабинета и направился в конец отделения.

По дороге он заметил, что хирургия условно делилась на чистое и гнойное отделения. Разделял их небольшой холл с лифтом.

По названию было понятно, что в гнойном лежали пациенты с нагноениями и запущенными инфекциями, а в чистом — больные, не имевшие этих злосчастных симптомов.

Дойдя до чистого отделения и подходя к самому концу, Никита начал мысленно искать процедурный кабинет.

Так, слева что тут? Ага, десятая… восьмая палата… Так, здесь пост. Девятая палата… Ага, вот он, процедурный кабинет.

Он остановился перед дверью, поправил чепчик, взялся за ручку и вошёл.

Зайдя в процедурный кабинет, Никита увидел молодую, миниатюрную блондинку с голубыми глазами и миловидным лицом. На вид ей было около тридцати лет. На бейдже значилось:

«Ольга, медицинская сестра».

Справа от неё сидела пожилая женщина, слегка полноватая, с хитро прищуренными глазами. Она молча рассматривала Никиту, словно пыталась понять, что за практиканта к ним прислали.

На её бейдже было написано:

«Нина, санитарка».

— Здравствуйте! — первым поздоровался Никита.

Ольга повернулась к нему и улыбнулась.

— Привет! Мне говорили, что пришлют практиканта. Думала, девочку, а тут мальчик! Это редкость!

Голос у неё оказался таким же, как и внешность, — миловидным, но немного писклявым.

— Почему редкость? — спросил Никита.

— Да у нас обычно одни медсёстры, медбратьев мало.

— Ну вот, значит, я как раз тот самый редкий случай.

Ольга усмехнулась.

— Видимо, да.

Нина всё это время продолжала с интересом наблюдать за новым практикантом.

— Ладно, Олечка, обучай молодого, не буду мешать, — наконец сказала она, приятно улыбнувшись, и направилась к двери.

— Давай, тёть Нин. После обеда договорим.

— Договорились.

Нина вышла, а Ольга снова повернулась к Никите.

— Ну что, начинаем?

— Давай.

Сначала она показала ему процедурный кабинет и объяснила, где что находится.

Потом познакомила с порядком работы: какие препараты лежат в шкафах, что используется для процедур, где находятся расходные материалы и что должно быть под рукой у медицинской сестры.

Никита внимательно слушал.

В колледже он привык воспринимать подобные вещи скорее как очередной материал, который нужно запомнить. Здесь всё выглядело иначе.

Перед ним было не просто задание из учебника, а настоящее рабочее место.

— Вот здесь у нас лекарства, — объясняла Ольга. — Это пока просто запоминай. Потом уже разберёмся, что для чего.

— Хорошо.

— А это для процедур. Только без меня ничего не бери, если не знаешь, что именно нужно.

— Понял.

Ольга показала ему и перевязочный кабинет, объяснила, как подготовить рабочее место и что необходимо проверить перед процедурой.

Первые часы Никита в основном наблюдал.

Смотрел, как Ольга работает, задавал вопросы, старался запоминать последовательность действий.

И постепенно начал понимать, что ему здесь действительно интереснее, чем в колледже.

Там нужно было сидеть на лекциях, переписывать конспекты и заучивать теорию.

Здесь же всё происходило прямо перед глазами.

Если нужно было что-то сделать — ты делал.

Если возникал вопрос — спрашивал.

Если не понимал — тебе объясняли.

Уже в первые дни Ольга начала понемногу доверять ему простую работу под своим контролем.

Никита быстро освоился.

Он научился разводить антибиотики, правильно отмерять дозировку инсулина диабетикам, ставить внутривенные катетеры и выполнять другие необходимые манипуляции.

Теория по-прежнему не стала его любимой частью медицины.

Зато практика неожиданно пошла легко.

Особенно хорошо у него получалось сохранять спокойствие, когда рядом находился пациент.

Ольга это заметила довольно быстро.

— А ты, оказывается, не боишься, — сказала она однажды, наблюдая за его работой.

— А что тут бояться?

— У некоторых сначала руки так трясутся, что сами не знают, что с ними делать.

— Ну, если всё делать правильно, зачем нервничать?

Ольга посмотрела на него и улыбнулась.

— Посмотрим, что ты скажешь через пару дней.

Но через пару дней Никита уже чувствовал себя в процедурном кабинете почти своим.

Каждое утро он приходил к Ольге, переодевался и включался в работу.

Постепенно он перестал воспринимать эти две недели как обязательную часть учёбы.

Ему просто стало интересно.

А коллектив, в котором поначалу он чувствовал себя чужим, начал принимать его всё теплее.

Особенно тётя Нина, которая при первой встрече лишь молча разглядывала практиканта.

Теперь же при каждом удобном случае находила повод перекинуться с ним парой слов.

К концу второй недели Никита уже чувствовал себя в отделении почти своим.

Утро прошло привычно: процедуры, перевязки, короткие разговоры с персоналом. Ольга уже не объясняла ему каждое действие, а доверяла простую работу под своим контролем.

Ближе к концу рабочего дня, когда дела в отделении немного успокоились, Ольга сказала:

— Никит, пойдём чай пить.

— А что такое?

— Последний день всё-таки. Хотели попрощаться.

— А-а… Давайте.

В комнате для персонала уже собирались сотрудники.

На столе стояли чашки, сахарница и тарелки. В центре красовался большой брусничный пирог, который испекла Ирина, операционная медсестра.

Ирина была женщиной лет сорока, невысокой, крепко сложенной, с короткими тёмными волосами. Говорила она негромко и держалась спокойно, без лишней суеты.

— Ну всё, молодой, садись, — сказала Нина. — Раз уж последний день у нас, хоть чаю нормально попьём.

Никита сел.

Наталья Константиновна налила себе чаю и посмотрела на него.

— Ну что, Никитка, может, к нам после третьего курса придёшь поработать?

Никита даже засмеялся.

— О-о-о, нет. Я к отцу на стройку пойду.

— А чего ж ты учиться-то пошёл тогда? — удивлённо спросила Нина.

— Да заставили.

За столом засмеялись.

Ирина покачала головой.

— Ой, набрался бы практики да к нам в операционную потом переучился. И недурно было бы.

— Да-да, у тебя на практике вон как всё ладно идёт! — поддержала Ольга.

Никита отмахнулся.

— Да ладно, всё, хватит уговаривать меня.

— Ну что ты, мы просто интересуемся, — усмехнулась Нина.

Никита взял ещё кусок пирога.

— Вкусный, кстати.

— Это Ирина пекла, — сказала Ольга.

— Тогда Ирине отдельное спасибо.

Ирина улыбнулась.

Наталья Константиновна отставила чашку.

— Всё, давайте сменим тему. А то сейчас мы его совсем уговорим остаться.

За столом снова засмеялись.

Несколько секунд говорили о чём-то постороннем. Потом Нина вдруг нахмурилась, словно что-то вспомнила.

— Блин… Помните пациентку с урологии, которая в коридоре между их отделением и нашим умерла от приступа?

Ирина кивнула.

— Ну.

Нина понизила голос:

— Так вот… я ночью, ей-богу, видела её. Как будто мельком в том коридоре. Аж раза четыре или пять в разных местах мелькнула.

Наталья Константиновна медленно поставила чашку на стол.

— Так, тёть Нин, бросьте пугать тут нашего практиканта, а то на следующий год не придёт сюда.

Никита усмехнулся.

— Да бросьте. Я в такие сказки не верю.

Нина медленно повернула к нему голову.

— Не веришь?

— Не-а.

— А вот и зря.

Никита откинулся на спинку стула.

— Да ладно вам. Это психология всё. А может, и психиатрия, — он усмехнулся. — Мозг вас обманывает, так сказать.

Нина возмущённо прищурилась.

— Ты чего меня сумасшедшей, что ли, считаешь, Никитка?

— Ни в коем случае, тёть Нин. Просто я в такое не верю. Призраки там, суеверия всякие — это всё отголоски прошлого. Прогресс потихоньку убирает такие вещи.

Нина покачала головой.

— Ой, молодой… Не смыслишь ты ещё ничего.

Она немного помолчала, а потом добавила:

— Тебе бы поночевать возле девятой как-нибудь.

Никита нахмурился.

— Какой девятой ещё?

Наталья Константиновна тут же вмешалась:

— Ой, да не слушай ты её. А вы, тёть Нин, не пудрите ему мозги.

— Я просто говорю, — пробурчала Нина.

Никита пожал плечами и снова взялся за пирог.

Разговор постепенно перешёл на другую тему.

Так и закончилась практика Никиты.

Две недели пролетели быстро. За это время он успел привыкнуть к больнице, к сотрудникам отделения и к самой работе. Несмотря на то, что учёба в медицинском колледже никогда не была его мечтой, практика неожиданно оставила после себя приятное впечатление.

Но менять свои планы он всё равно не собирался.

Он по-прежнему собирался после колледжа пойти к отцу на стройку.

Вскоре успешно завершился второй курс.

Потом начался третий.

Снова лекции, зачёты, экзамены и очередная практика в том же отделении хирургии. Теперь Никита уже знал здесь почти всех, поэтому освоился быстро и чувствовал себя гораздо увереннее.

Дни сменяли друг друга.

Недели превращались в месяцы.

Незаметно закончилась и эта практика, а вместе с ней всё ближе становился тот момент, ради которого когда-то пришлось поступить в колледж, — сдача диплома.

Учёба подходила к концу.

Глава 3. Первое дежурство

Как это было в стиле Никиты, готовую дипломную работу он поехал сшивать буквально за несколько часов до защиты.

Отец нервно держал руль, время от времени поглядывая на часы, пока они колесили по городу в поисках открытого копировального центра.

— Сын, я уже не знаю… Вроде колледж заканчиваешь, а последовательности так и не научился. Почему мы с самого утра носимся по этому городу в поисках копи-центра, когда тебе через несколько часов диплом защищать?

Никита сидел рядом и виновато смотрел в окно.

— Да, пап, я…

Продолжить было нечем.

Отец тяжело вздохнул, но через несколько секунд всё же махнул рукой, понимая, что нравоучениями сейчас делу всё равно не поможешь.

— Ладно. Прорвёмся.

И ведь действительно прорвались.

Как это уже не раз бывало, удача снова оказалась на стороне ленивого молодого человека, который умудрялся успевать всё — пусть и в самый последний момент.

Диплом в итоге удалось распечатать и сшить.

Оставалось только успеть в колледж.

Отец остановил машину возле входа.

Никита посмотрел на часы.

— Всё, пап, спасибо. Дальше сам.

— Давай.

— Успею.

— Ну и хорошо.

Никита выскочил из машины и почти бегом направился к зданию колледжа.

До защиты оставалось совсем немного.

Никита поднялся на третий этаж и остановился возле тридцать девятого кабинета.

Перед дверью уже стояли несколько его сокурсников.

— Фух… Ну что, я успел?

Первым его заметил Антон Семёнов.

— Емаё, Никита! Я уже три раза, когда хотели отметить, что ты не явился, придумывал разные причины, почему ты в туалете.

Никита усмехнулся.

— Спасибо. Я очень тебе признателен.

Антон, как обычно, был слегка поддатый — видимо, решил добавить себе смелости перед защитой.

Никита покачал головой.

За эти три года он уже привык к тому, что Антон мог выпить практически в любой ситуации. Даже сейчас, в такой важный для всех день, тот умудрился прийти на защиту диплома слегка навеселе.

Из кабинета раздался громкий голос:

— Колесников!

Никита обернулся.

В дверях стояла Елена Алексеевна — преподаватель психологии и наставник его дипломной работы.

— Тута, — ответил Никита.

Она смерила его взглядом.

— Неужто тебя так рвало от волнения, Колесников?

Никита на секунду растерялся.

Он быстро посмотрел на Антона.

Тот едва заметно усмехнулся.

— Да я… ещё что-то не то съел, Елена Алексеевна, — на ходу выкрутился Никита.

— Ладно. Презентацию хоть взял?

— Да, конечно.

— Тогда давай. Не задерживай очередь.

— Хорошо.

Никита поправил одежду, взял папку с дипломной работой и зашёл в кабинет.

Внутри за столом сидела комиссия.

Он остановился перед ними, выдохнул и начал выступление.

Несмотря на то, что готовился в последний момент, Никита держался достаточно уверенно. На вопросы комиссии отвечал без особых заминок, а где чего-то не знал — старался выкрутиться, как умел.

Несколько раз ему пришлось подумать подольше, но в целом защита прошла гораздо спокойнее, чем он ожидал.

Когда всё закончилось, Елена Алексеевна ещё раз посмотрела на него, затем перевела взгляд на остальных членов комиссии.

После короткого обсуждения ему объявили оценку.

Четвёрка.

Никита выдохнул.

Не пятёрка, конечно.

Но, учитывая его отношение к учёбе и то, сколько времени он потратил на подготовку, результат его вполне устраивал.

Он поблагодарил комиссию, забрал свои бумаги и вышел из кабинета.

За дверью его уже ждали сокурсники.

Никита посмотрел на Антона и усмехнулся.

— Ну что?

Антон поднял большой палец.

— Живой?

— Пока да.

Никита рассмеялся.

Защита была позади.

Оставалось только дождаться официального вручения дипломов.

И вот в том самом актовом зале Никита снова стоял в белом халате, только теперь уже в качестве выпускника.

Вокруг него были такие же выпускники, преподаватели и родители. В зале стоял привычный праздничный шум: кто-то переговаривался, кто-то фотографировался, а кто-то уже заранее обсуждал, куда пойдёт работать после колледжа.

Никита особо не вслушивался в разговоры.

Рядом с ним оказался его старый дружище Дима.

Они давно дружили ещё со школы, и, несмотря на то что после выпуска пошли учиться в разные места, связь между ними никуда не исчезла.

Дима посмотрел на друга и усмехнулся:

— Везёт же тебе, Никитка. Уже всё. А мне в инженерном ещё год, а там, походу, ещё два года магистратуры.

Никита усмехнулся и слегка толкнул его плечом.

— Ой, давай не прибедняйся.

— Чего?

— А того, что у тебя вышка, да ещё и инженерная специальность. Огого.

Дима хмыкнул.

— А я так, медбрат.

— Да ладно тебе. Ты с этим дипломом много чего можешь. Можешь дальше на вышку пойти, можешь заочно на инструктора по реабилитации или физкультуре выучиться и при этом работать. Можешь ещё на массажиста пойти. Короче, вариантов у тебя куча.

Никита пожал плечами.

— Ой, брось ты. Пойду к бате, наверное, на стройку.

Дима посмотрел на него уже серьёзнее.

— И зря. Лучше бы по специальности попробовал. Развивался бы ещё в каком-нибудь направлении.

— Разберусь.

В этот момент из колонок над сценой прозвучало:

— Никита Колесников!

Дима хлопнул друга по плечу.

— Давай, дружище. Вперёд.

Никита улыбнулся и направился к сцене.

Через несколько минут торжественная часть закончилась.

Три года медицинского колледжа остались позади.

Большого празднования Никита не хотел. На общий выпускной он тоже решил не идти.

Причина была довольно простой.

За эти три года он успел попытать счастья в любви сразу с четырьмя одногруппницами, поэтому находиться среди них теперь было ему не особенно комфортно.

Вместо этого они с Димой немного посидели вместе, выпили пива и поговорили о будущем. Потом разошлись.

Никита отправился домой.

Там его уже ждала радостная мама.

— Ой, как я рада, мой родной, — улыбнулась она, глядя на сына своими зелёными глазами из-под очков.

— Ну что, теперь к отцу на стройку. Хоть денег заработаю.

— Не хочешь всё-таки немного поработать по специальности? А вдруг понравится?

— Не, мам, не хочу, ты опять за своё. Тем более у меня с отцом уже уговор был: закончу колледж — он примет меня в бригаду.

— Ладно, ладно… Просто обидно. Три года…

— Ну мам, — перебил её Никита.

Он действительно не хотел возвращаться к этому разговору.

Отец ещё на втором курсе обещал ему место в своей бригаде, увидев, что сын учится и получает специальность. Конечно, он не знал всех подробностей того, как именно Никита учился.

Но уговор оставался уговором.

Отец дал сыну неделю отдохнуть после окончания колледжа, и потом они вместе поехали на объект.

Им предстояло перекрыть крышу старого завода.

Работа была большая — само здание занимало огромную площадь.

Никита старался относиться ко всему серьёзно.

Это был уже не тот малец, который когда-то подрабатывал у отца на каникулах.

Теперь он внимательно вникал в каждую деталь и старался делать всё так, как показывали отец и опытные работники.

Он смотрел, как выставляют уровень, как правильно закручивают кровельные саморезы, чтобы не перетянуть их, как отмеряют и точно отрезают доски, а затем заменяют сгнившую обрешётку.

Отец был доволен сыном и приятно удивлён его стараниями.

После этого были и другие объекты: постройка бани за городом, обшивка домов сайдингом, замена окон в школе.

Так незаметно пролетели три месяца.

Наступил октябрь.

Денег Никита действительно заработал неплохо.

Но вместе с этим он начал замечать, как мало у него свободного времени.

Точнее, его практически не осталось.

Он всё чаще вспоминал слова матери и постепенно понимал, что так продолжаться не может.

С утра до вечера работать на стройке ему совсем не хотелось.

И в один из дней по дороге домой отец сам начал разговор.

— Сын… Я всегда рад, когда есть работа. Особенно когда её много. Я сам начал ещё в шестнадцать лет — с твоим дедом дома строили, ремонты в квартирах делали, двери, окна ставили и много чего другого. Теперь у меня своя бригада. Мне это по душе.

Он ненадолго замолчал.

Никита посмотрел на отца, ожидая продолжения.

В тот момент он впервые за долгое время действительно присмотрелся к нему. К огромным рукам, широким плечам, к его крепкой фигуре. Сто девяносто сантиметров — отец всегда казался ему просто папой, поэтому раньше Никита даже не задумывался о том, насколько физически сильным был этот человек.

Теперь же он сидел за рулём, смотрел куда-то вдаль и явно подбирал слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.